

Линь Дунцин с улыбкой посмотрела на неё:

— Сестра Чжицю, на улице холодно, ты так прошла сюда — разве не боишься простудиться?

Е Чжицю покачала головой:

— Переживала, что ты останешься голодной. Давай сначала поедим.

Покончив с едой, Линь Дунцин немного погуляла с Е Чжицю по двору, а затем проводила её в комнату. Внутри было натоплено до тепла — это была самая уютная комната во всей усадьбе. Едва войдя, Линь Дунцин сняла просторный плащ, протянула руку, сжала ладонь Е Чжицю и согрела её дыханием:

— Не холодно?

— Не холодно, — улыбнулась Е Чжицю, глядя на неё. — Прямо как ребёнок.

Линь Дунцин виновато улыбнулась. Они сняли верхнюю одежду и легли на тахту. Е Чжицю свернулась калачиком в её объятиях и осторожно спросила:

— Дунцин, у тебя в последнее время на душе что-то тяжелое?

— А? — Линь Дунцин пришла в себя. — Нет. С чего ты взяла?

— Я замечаю, что ты уже несколько дней сама не своя. Не случилось ли чего в усадьбе? — Е Чжицю послушно прижималась к её груди, сжимая её руку. — Ты же обещала вечно оберегать меня.

— Сестра Чжицю, я, конечно, буду всегда рядом с тобой, — через силу улыбнулась Линь Дунцин. — Просто в последнее время я размышляла над движениями меча и кое-что новое поняла в Методе Меча Семьи Линь. Вот и отвлеклась ненадолго.

— Вы, члены семьи Линь, все как один помешаны на боевых искусствах, — Е Чжицю, казалось, о чём-то вспомнила, ухватилась за воротник её одежды и подняла голову. — Теперь у меня осталась только ты.

Линь Дунцин поняла её смысл, кивнула и крепко прижала её к себе:

— Я буду добра к тебе.

Е Чжицю приподняла ногу и мягко потёрлась о её бедро. За последнее время она стала намного смелее: закусив губу, она смотрела на Линь Дунцин влажными, блестящими глазами.

Линь Дунцин нежно поцеловала её в брови и глаза, медленно стягивая с неё одежду. Её ладони скользили по коже, но мысли снова куда-то уплывали. Она старательно ублажала женщину, пока Е Чжицю не обмякла в её объятиях. Запрокинув голову, Линь Дунцин смотрела в потолок, чувствуя себя как-то странно. Она даже испытывала легкое чувство вины перед Е Чжицю, ведь только что отдалась процессу не до конца.

Е Чжицю мягко покоилась на её груди, сложив руки на животе. Пальцы Линь Дунцин то и дело касались её бровей и глаз. Е Чжицю была права: после смерти Линь Цзяньхэна она оставалась её единственной опорой, и та дала слово заботиться о ней всю жизнь.

Возможно, из-за того, что они виделись изо дня в день, прежний трепет и восторг поблекли, превратившись в рутину. Но ведь так жили все супруги в этом мире. Не зря говорят, что недолгая разлука слаще первой встречи — именно в этом и заключался смысл. Она наверняка просто слишком долго пробыла с Е Чжицю, отчего временами ей становилось тоскливо. А вот та маленькая глупышка, с которой они так долго были в разлуке, заставляла её постоянно думать о себе. В голове Линь Дунцин то и дело возникал образ этой девушки у горячего источника — её тонкая талия и белоснежная кожа.

Линь Дунцин облизала губы. Наверное, она и вправду свихнулась. Достаточно всего один раз, просто один раз — и она больше никогда не позволит себе ни малейших фантазий о Бай Цзиньжун. Искусство отступления ради наступления — судя по всему, излюбленный трюк этой девчонки: она нарочно добивалась того, чтобы Линь Дунцин не могла заполучить её, лишь бы та продолжала желать её снова и снова.

Линь Дунцин резким движением села, соскользнула с тахты, схватила одежду и направилась к выходу.

Эта глупышка научилась пользоваться мозгами!

Бай Цзиньжун стирала бельё до тех пор, пока луна не поднялась к самой макушке. От боли в пояснице и усталости она чуть не валилась с ног. Развесив вещи одну за другой, она размяла спину, нащупала за пазухой холодную сдобную булочку и, откусывая на ходу, поплелась к своей комнате.

Перед глазами мелькнула чёрная тень, а в следующее мгновение чьи-то пальцы несколько раз ткнули её в тело, и Бай Цзиньжун полностью потеряла способность двигаться. Неизвестный закинул её на плечо и взмыл на крышу. Зажатая в руке булочка со стуком покатилась по черепице вниз — Бай Цзиньжун скривилась от боли в сердце: её ужин!

Страху особого не было: лёгкий аромат, исходивший от похитителя, был ей отлично знаком. Однако она жутко злилась на то, что та посреди ночи вытворяет подобные фокусы. Что это вообще за манеры — таскать её по всей усадьбе, словно мешок с картошкой?!

Неужели та не боялась, что ученики усадьбы примут её за какого-нибудь похитителя женских сердец и забьют до смерти?

Линь Дунцин занесла Бай Цзиньжун в комнату, которую обычно использовала для тренировок и куда в будние дни почти никто не заглядывал. Швырнув её на тахту, она сразу принялась срывать с неё одежду.

Бай Цзиньжун остолбенела на секунду, но вела себя на редкость послушно и не двигалась. Выждав момент, пока Линь Дунцин потеряет бдительность, она лягнула её ногой и бросилась к двери.

Однако Линь Дунцин оказалась быстрее: схватив беглянку, она бросила её обратно на тахту, распустила собственный пояс, связала ей руки и привязала к изголовью кровати, после чего принялась торопливо развязывать её собственный пояс, нетерпеливо раздирая одежду.

— Пусти меня! — отчаянно сопротивлялась Бай Цзиньжун. — Не надо!

— Не ори, — Линь Дунцин зажала ей рот ладонью. — Не забывай, твоя долговая расписка находится у меня. Смотри у меня, завтра же отправлю тебя в веселый дом, где всякие вонючие мужики будут иметь тебя каждый день.

Её грубые слова напугали Бай Цзиньжун. Та мгновенно затихла и уставилась на неё полными слёз глазами.

— Со мной тебе в любом случае будет лучше, чем с теми вонючими мужланами. Я буду ласкать тебя.

Линь Дунцин разорвала воротник её одежды, провела пальцами по плечу и крепко сжала его.

— Мхм, — глухо застонала Бай Цзиньжун, закусив от боли губу и пытаясь увернуться.

Линь Дунцин отвесила ей звонкую затрещину по телу:

— Будешь ещё уворачиваться — пушу по кругу среди тысяч мужчин!! Будешь рыдать дни и ночи напролёт!

Глядя на испуганное и перепуганное лицо Бай Цзиньжун, Линь Дунцин с довольной улыбкой припала к её губам. Во рту ощущался сладкий привкус:

— Что это ты стянула тайком с вечера? Такая сладкая.

— Булочку, всего один кусочек, — лицо Бай Цзиньжун выражало крайнюю степень скорби. Живот урчал от голода, а её при этом ещё и терзали — чистый убыток, да и только!

Этой ночью Линь Дунцин вела себя на редкость жестоко: сыпала непристойными угрозами, пугая Бай Цзиньжун и нарочно издеваясь над ней.

Сначала тихие всхлипывания и стоны становились всё громче и в конце концов переросли в невыносимые жалобные вопли. Линь Дунцин даже испугалась и поспешно перевернула девушку на живот. Оказалось, что у Бай Цзиньжун покраснели и глаза, и нос — вид у неё был до невозможности несчастный.

— Еще раз заикнешься о том, что продам тебя, и хватит ломать комедию, — бросила Линь Дунцин.

— Я есть хочу! За весь день съела только одну булочку, и ту ты выбила у меня из рук, едва я успела откусить! — задирая заплаканное лицо, взывала Бай Цзиньжун. — Я умираю с голоду, а ты ещё издеваешься!

Линь Дунцин поморщилась, кое-как накинула верхнюю одежду и бросила на неё сердитый взгляд:

— Вечно с тобой одни хлопоты!

С этими словами она развернулась и вышла.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Линь Дунцин вернулась. Бай Цзиньжун всё ещё была привязана к изголовью кровати — ни сесть, ни лечь нормально она не могла, руки ужасно затекли. Но стоило ей почувствовать потрясающий аромат, как она с трудом сглотнула слюну.

— Настоящая маленькая жадина, — Линь Дунцин развязала ей руки, достала завернутый в промасленную бумагу куриный окорочок и протянула прямо перед её носом.

Бай Цзиньжун жадно потянулась за едой, но Линь Дунцин отдернула руку:

— Дам куриную ножку — будешь вести себя тихо, поняла?

Бай Цзиньжун закатила глаза до самых бровей. Раз уж этой ночью ей всё равно не сбежать, лучше хотя бы набить желудок. Выхватив окорочок, она впилась в него зубами. Боже, как же вкусно! Она уже целую вечность не ела жареных куриных ножек.

Сначала Бай Цзиньжун удавалось одновременно и жевать курицу, и выдерживать ритм толчков. Но постепенно её разум затуманился, зажатая в руке ножка начала качаться из стороны в сторону — есть она уже не могла, а выбросить было жалко.

— Помедленнее, помедленнее! Дай мне хоть кусочек откусить! — захлёбываясь от толчков, взмолилась Бай Цзиньжун.

Линь Дунцин и не думала её слушать. С Бай Цзиньжун церемониться было вовсе ни к чему. Наконец куриная ножка выпала у той из рук прямо на пол. С выражением крайнего сожаления на лице, но будучи не в силах оторваться, девушка уперлась обеими руками в стол и, сжав зубы, позволила Линь Дунцин отправить её на самые небеса, откуда уже не было возврата!

Изнемогшая Линь Дунцин, вся покрытая испариной, в абсолютном блаженстве рухнула на постель. Бай Цзиньжун же лишилась чувств прямо на месте, а вокруг её рта блестел маслянистый след от куриного жира.

Брезгливо поморщившись, Линь Дунцин вытерла её лицо платком. Она никак не могла взять в толк, почему эта грубая и глупая девчонка не выходит у неё из головы.

Проделав это четыре-пять раз, Линь Дунцин даже утомила руки. Она подумала, что теперь-то уж точно сможет навсегда выбросить из головы все эти нелепые мысли о Бай Цзиньжун.

Одевшись, она не стала возвращаться в комнату Е Чжицю, а направилась в собственные покои, умылась, приняла ванну и погрузилась в глубокий сон.

Проснувшись, Е Чжицю обнаружила, что Линь Дунцин рядом нет.

— Тао Жань, хозяйка уходила куда-то ночью? — глядя в бронзовое зеркало на то, как служанка расчесывает ей волосы, спросила Е Чжицю. — С утра её не видно, а ведь раньше она всегда оставалась до рассвета.

Тао Жань на мгновение замялась и с натянутой улыбкой произнесла:

— Наверное, какие-то срочные дела.

Сколько лет Тао Жань прислуживала ей — разве могла Е Чжицю не прочесть по её лицу правду?

— Какие дела? Не смей скрывать от меня ничего.

Тао Жань замолчала на секунду, а затем выдала:

— Сегодня спозаранку поговаривали, будто Цуэр носила в Килии Ступающего Снега комплект одежды. Говорят, госпожа хозяйка приводила туда кого-то на ночь.

Тао Жань бросила украдкой взгляд на лицо Е Чжицю:

— И ещё шептались, будто та одежда оказалась вся разодрана в клочья.

Кончики пальцев Е Чжицю едва заметно дрогнули, но она улынулась:

— Ты всё толком проверила? Не болтай языком попусту, Дунцин не из таких.

— Это была прежняя служанка госпожи, та самая... Бай Цзиньжун, — ответила Тао Жань. — Сегодня утром Цуэр обмолвилась, что по приказу хозяйки перевела Бай Цзиньжун из Прачечного двора во Внешний двор.

Е Чжицю медленно опустила коробочку с румянами:

— Это та девица, что провожала нас с горы?..

Тао Жань кивнула:

— Она самая! Которая раньше утверждала, будто госпожа лишила её девственности, и из-за этого хотела отправить вас прочь. Ну а госпожа в сердцах и выгнала её тогда. Наглая девчонка, подцепила же капельку удачи — какими-то лисьими чарами снова охмурила хозяйку!

Тао Жань принялась подливать масла в огонь:

— Тогда мы-то думали, что она из лучших побуждений старается, а оказалось — всё из-за шкурного интереса! Хотела единолично завладеть госпожой, вот же коварная змейка.

— Ступай, приведи эту девицу ко мне, я сама на неё посмотрю, — Е Чжицю взяла кисточку с помадой, аккуратно растушевала её на губах и с улыбкой произнесла:

— Раз уж ей суждено стать наложницей госпожи, ей следует вести себя послушно. Негоже ей быть какой-то подзаборной девкой.

Тао Жань одновременно удивилась и позавидовала:

— Госпожа, она же просто служанка! То, что госпожа удостоила её своей милости — уже величайшая благодать. Зачем же ещё давать ей официальный статус?

— Да какой там официальный статус — положением она останется всё той же служанкой.

Впрочем... — Е Чжицю усмехнулась. — Раз уж она теперь человек госпожи, нельзя же совсем бросать её на произвол судьбы.

— Госпожа, у вас просто слишком мягкое сердце! — предостерегла её Тао Жань. — Если госпожа снова вспыхивает к ней страстью, добром это не кончится. Последние дни я замечаю, что госпожа к вам изрядно охладела.

— Охладела она или нет — разве мне есть до этого дело? — фыркнула Е Чжицю. — Меня это никогда не волновало.

Присев возле неё на корточки, Тао Жань понизила голос до шёпота:

— Но госпожа должна понимать: чтобы сохранить жизнь и удержать то, что вам дорого, нужно крепко держать в руках сердце хозяйки усадьбы!

Е Чжицю провела рукой по животу и холодно бросила:

— Я знаю.

— Ступай позови Бай Цзиньжун, я хочу взглянуть на неё, — приказала Е Чжицю, но Тао Жань никого не привела.

Бай Цзиньжун пластом лежала в постели, не в силах подняться. Всё тело ломило, словно по нему проехался каток, а между ног нещадно жгло. Сославшись на плохое самочувствие, она никуда не пошла.

— Неблагодарная девчонка, — сплюнула Тао Жань.

Е Чжицю нахмурилась. Эту Тао Жань приставили к ней на службу уже после того, как ушла её прежняя верная служанка Юнь Янь. Тао Жань не умела так же гладко говорить и соблюдать все правила, зато отличалась преданностью, поэтому Е Чжицю и держала её при себе.

— Ладно, раз она нездорова, позовём в другой раз, — Е Чжицю поднялась на ноги и велела Тао Жань помочь ей одеться. — Пояс затяни потуже.

Тао Жань бросила на неё быстрый взгляд и молча повиновалась.

Проведя всю ночь в объятиях Бай Цзиньжун, Линь Дунцин чувствовала себя виноватой, словно совершила преступление. При виде Е Чжицю её сердце сжималось от угрызений совести, поэтому она специально раздобыла несколько драгоценностей, чтобы задобрить её.

— Я тут слышала, ты вернула во Внешний двор ту свою бывшую служанку? — тихо произнесла Е Чжицю, прислонившись к её груди.

Линь Дунцин кивнула:

— Она слишком ленива, для Прачечного двора не годится, вечно всё портит. Я решила отправить её во Внешний двор сторожить ворота — пусть хоть так пользу приносит.

— Сторожить ворота... — тихо повторила Е Чжицю и горько улыбнулась. — А ведь в тот день

именно она помогла нам спуститься со двора.

Брови Линь Дунцин слегка изошлись, она напряженно сжала её руку:

— Смотри у меня, даже не смей думать о чём-то подобном впредь.

Линь Дунцин прижала ладонь к груди:

— Ты не представляешь, как разорвалось моё сердце в тот день, когда ты ушла. Это была невыносимая, сжигающая изнутри боль.

Е Чжицю смахнула прядь волос, растрёпанную северным ветром, и задумчиво произнесла:

— В тот день перед уходом я спросила её, почему она решила мне помочь. Она ответила, что принадлежит тебе, и только если я уйду, твои мысли наконец вернуться к ней.

Е Чжицю закусил губу:

— В тот самый миг я поняла, что мне больше незачем оставаться в усадьбе.

Линь Дунцин крепче прижала её к себе, храня молчание.

— Раньше старшие в усадьбе уговаривали Цзяньхэна взять наложницу, но он не хотел. Он говорил, что до конца своих дней ему нужна только я, — тихо продолжала Е Чжицю.

От этих слов брови Линь Дунцин нахмурились.

— Вот почему... Я ведь просто искала того, кто будет верен мне одной, Дунцин, ты понимаешь?

— Е Чжицю тихо заглянула ей в глаза.

— Я понимаю, — прикусила губу Линь Дунцин. — Сегодня же я отправлю её обратно в Прачечный двор. Не переживай, больше я к ней не приближусь.

Прижавшись к её груди, Е Чжицю смотрела на то, как снег за окном тает, уступая место первым зеленым росткам, и на её губах играла едва заметная улыбка.

Линь Дунцин была уверена, что после той ночи с Бай Цзиньжун все странные порывы к ней окончательно улетучатся. Какая от неё польза — грубая, невежественная дурёха, глупая до невозможности. Ни играть на цитре, ни разбираться в шахматах, ни знать классические каноны она не умела; всё, что её занимало — это еда, а умом она не превосходила свинью. Единственным её достоинством, пожалуй, оставалось это гибкое изнеженное тело — мягкое, как пух, влажное, словно сотканное из воды. В самый пик её кожа покрывалась алыми пятнами, напоминая белоснежный нефрит, тронутый заходящим солнцем, — сияющая и гладкая.

Линь Дунцин хлопнула себя по щекам, гневно скривившись. Что за чёрт? Ей снова захотелось жестоко растерзать эту девчонку!

Она раздражённо нарезала круги возле комнаты Е Чжицю. Идти к Бай Цзиньжун ей не

хотелось, показываться на глаза Е Чжицю было стыдно, вот она и расхаживала взад-вперед, заложив руки за спину.

В этот момент из маленькой кухни в углу двора донесся голос Тао Жань:

— Сестра Цуэр, лекарство госпожи я сама отнесу чуть позже, отдохни пока.

Цуэр отозвалась и вышла из кухни. Спустя мгновение послышался плеск: с острым зрением Линь Дунцин заметила, как Тао Жань выплевывает гущу и остатки отвара из глиняного горшка прямо в кусты под окном.

— Эта девчонка чем занимается? — с мрачным лицом Линь Дунцин медленно подошла к кухне и увидела, как Тао Жань с веером в руке варит какой-то другой отвар.

Закончив стряпню, она бережно завернула гущу в платок, а затем с пиалой целебной жидкости направилась в комнату. Едва переступив порог, Тао Жань столкнулась лицом к лицу с вошедшей хозяйкой и едва не выплеснула снадобье от испуга. Напустив на себя спокойный вид, она протянула чашку Е Чжицю:

— Госпожа, примите лекарство.

— Стоять! — подняв руку, остановила её Линь Дунцин. Взглянув на служанку, она строго спросила: — Что это за отвар?

Тао Жань потупилась:

— Уважаемый лекарь велел приготовить для госпожи укрепляющее средство для восполнения крови и ци.

Линь Дунцин подошла к столику, куда Тао Жань ранее бросила узелок, и подняла его:

— А это тогда что такое?

Увидев это, Тао Жань смертельно испугалась. Платок с лекарственной гущей вывалился из её рук, рассыпавшись по полу.

— Цуэр, позови лекаря, пусть взглянет. Похоже, эта дерзкая служанка вздумала отравить хозяйку! А ну упала на колени! — в глазах Линь Дунцин вспыхнул ледяной блеск убийственного намерения. Тао Жань рухнула на коленки, забившись в мелкой дрожи, и не смела вымолвить ни слова.

— Не нужно. Цуэр, выйди пока, мне нужно поговорить с Дунцин, — Е Чжицю заломила пальцы и посмотрела на Линь Дунцин. Лицо её было мертвенно-бледным, а на лбу выступила мелкая испарина.

— В чём дело? Почему ты такая бледная? — Линь Дунцин бережно протерла её лоб платком. — Не бойся, пока я здесь, никто не посмеет тебя обидеть.

Не успев ответить, Е Чжицю залилась слезами и грациозно опустилась на колени, но Линь Дунцин тут же подхватила её под руки:

— Что ты делаешь? Если что-то случилось, просто скажи.

— Дунцин, — Е Чжицю подняла на неё заплаканные, полные жалости глаза. — Я ношу под сердцем ребенка семьи Линь.

Линь Дунцин отшатнулась от неё, словно пораженная молнией. Лицо её помрачнело, она отвернулась и бросила:

— От старшего брата?

Е Чжицю кивнула:

— Прошло уже четыре месяца... Ребенок не виноват, в нём течет кровь семьи Линь.

— Ты боялась, что я не приму его, поэтому всё это время скрывала, да? — Линь Дунцин медленно повернулась, помогла опустившейся на колени Е Чжицю подняться и усадить её в кресло. Тяжело вздохнув, она горько усмехнулась. — Значит, твоя мнимая мягкость поначалу была лишь ради ребенка.

Раздался сухой треск: деревянный подлокотник кресла в её руке разлетелся в щепки. Лицо Тао Жань побелело, её затрясло от страха и холодного пота.

Е Чжицю испуганно протянула руку, накрывая сжатый в кулак кулак Линь Дунцин, и мягко произнесла:

— Цзяньхэна больше нет, но раз ты любишь меня, род Линь прервется. Это же кровинка семьи Линь, Дунцин, умоляю, позволь ему появиться на свет. Давай после этого мы вдвоем станем охранять друг друга и ребенка, проживем так всю жизнь, хорошо?

Линь Дунцин тяжело вздохнула и покачала головой:

— Я злюсь лишь на то, что ты меня обманывала. Я ведь не бессердечна, брата не вернуть, а этот ребенок ни в чем не виноват. Просто мне страшно, я переживаю: ты же беременна, а я... Вдруг я причинила бы тебе вред во время всего этого? — Линь Дунцин сжала её ладони. — Почему ты не сказала мне раньше? И как твоё здоровье, окрепнет ли оно?

— Лекарь Тао выписал мне средства для сохранения плода, а Тао Жань то и дело варила их мне, с ребенком всё хорошо, — Е Чжицю уронила пару слезинок. — Вот только я подвела твою доброту.

Линь Дунцин крепко прижала её к себе:

— Между нами не должно быть чужих. Отныне я — твой самый близкий человек, мы вместе вырастим ребенка.

Трепетно и с опаской подняв голову, Е Чжицю увидела в глазах Линь Дунцин безграничную нежность, всхлипнула и снова уткнулась ей в грудь. Тяжелый камень, висевший на её сердце, наконец-то рухнул вниз.

— Я смотрю на других женщин на четвёртом месяце беременности — у них животы уже

заметно округлились, а ты всё такая же худенькая. Тебе нужно лучше питаться, — Линь Дунцин легко провела пальцем по носу Е Чжицю. — Не бойся, я вовсе не стану считать тебя толстой.

Е Чжицю сквозь слезы улыбнулась и потянулась за платком, но Линь Дунцин перехватила его и сама утерла ей слёзы. Взглянув на Тао Жань, она произнесла:

— И ты вставай. Впредь просто вовремя докладывай всё Цуэр.

<http://bllate.org/book/21201/2145999>